

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

СВЯТАЯ
КРОВЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Святая кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25903315

Аннотация

«До поднятия занавеса слышен далекий и редкий звон колокола. Лесная глушь. Гладкое, плоское, светлое озеро, не очень большое. У правого берега, поросшего камышом, поляна, дальше начинается темный лес. На небе, довольно низко, но освещая тусклым, немного красноватым светом озеро и поляну, стоит ущербный месяц. Рой русалок, бледных, мутных, голых, держась за руки, кругом движется по поляне, очень медленно. Напев их тоже медленный, ровный, но не печальный. Он заглушает колокол, который звонит все время, но когда русалки умолкают на несколько мгновений – он гораздо слышнее. Не все русалки пляшут: иные, постарше, сидят у берега, опустив ноги в воду, другие пробираются между камышами...»

Содержание

Картина первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зинаида Гиппиус

Святая кровь

Картина первая

(До поднятия занавеса слышен далекий и редкий звон колокола. Лесная глушь. Гладкое, плоское, светлое озеро, не очень большое. У правого берега, поросшего камышом, поляна, дальше начинается темный лес. На небе, довольно низко, но освещающая тусклым, немного красноватым светом озеро и поляну, стоит ущербный месяц. Рой русалок, бледных, мутных, голых, держась за руки, кругом движется по поляне, очень медленно. Напев их тоже медленный, ровный, но не печальный. Он заглушает колокол, который звонит все время, но когда русалки умолкают на несколько мгновений — он гораздо слышнее. Не все русалки пляшут: иные, постарше, сидят у берега, опустив ноги в воду, другие пробираются между камышами. У края поляны, около самого леса, под большим деревом, сидит старая, довольно толстая русалка и деловито и медленно расчесывает волосы. Рядом с нею русалка совсем молоденькая, почти ребенок. Она сидит неподвижно, охватив тонкими руками голые колени, смотрит на поляну, не отрывая взора, и все время точно прислушивается. Час очень поздний. Но тонкий месяц не закатывается.

ется, а подымается. По воде стелется, как живой, туман.)

Старая русалка (*вздыхая*). Запутаешь, запутаешь волосы-то в омуте, потом и не расчешешь. (*Помолчав, к молоденькой.*) А ты чего сидишь, не пляшешь? Поди, порезвись с другими.

(*Русалочка молчит и смотрит на поляну, не двигаясь.*)

Старая русалка (*равнодушно*). Опять заковенела! И что это за ребенок! Ее и месяц точно не греет.

(*Продолжает расчесывать волосы. Слышно тихое и медленное, в такт мерным, скользящим движениям, пение русалок.*)

Русалки.

Мы белые дочери
озера светлого,
от чистоты и прохлады мы родились.
Пена, и тина, и травы нас нежат,
легкий, пустой камыш ласкает;
зимой подо льдом, как под теплым стеклом,
мы спим, и нам снится лето.
Все благо: и жизнь! и явь! и сон!

(*Пение прерывается, движение круга на мгновенье безмолвно, неускоренное и незамедленное. Колокол слышнее.*)

Мы солнца смертельно-горячего

не знаем, не видели;
но мы знаем его отражения,
мы тихую знаем луну.
Влажная, кроткая, милая, чистая,
ночью серебряной вся золотистая,
она – как русалка – добрая...
Все благо: и жизнь! и мы! и луна!

*(Опять движение круга безмолвно несколько мгновений.
Звучит колокол.)*

У берега, меж камышами,
скользит и тает бледный туман.
Мы ведаем: лето сменится зимою,
зима – весной много раз,
и час наступит сокровенный,
как все часы – благословенный,
когда мы в белый туман растаем,
и белый туман растает.
И новые будут русалки,
и будет луна им светить, –
и так же с туманом они растают.
Все благо: и жизнь! и мы! и свет!
и смерть!

Старая русалка *(приглаживая гребнем тщательно расчесанные редкие волосы)*. Что ж, так и не пойдешь песни играть? Иди. А то месяц нынче поздний. Рассветать начнет.

Русалочка (*не отводя взора*). Не хочется мне, тетушка. Песня такая скучная.

Старая русалка (*недовольно*). Ну вот, скучная! Хорошая песня. Каких же тебе еще?

Русалочка. Я вот что хотела тебя спросить, тетушка: говорится в наших песнях, что живем мы, на луну смотрим, а потом в туман растаем, и как будто русалки не было. Отчего это?

Старая русалка. Чего отчего? Час для каждой приходит, ну и таем. У нас век легкий, долгий: и по триста лет живем, и по четыреста.

Русалочка. А потом и в туман?

Старая русалка. И в туман.

Русалочка. Дальше ничего?

Старая русалка. Ничего. Чего же тебе еще?

Русалочка (*после раздумья*). Все живые твари так, тетушка?

Старая русалка (*с убеждением*). Все. (*Молчание.*) Нет, постой, забыла. Не все. Я еще от своей тетки слыхала, что не все. Люди есть. Я видела их. Да и ты видела, издали. Так вот они, говорят, не туманом разлетаются. У них бессмертная душа.

Русалочка (*широко открывая глаза*). Они никогда не умирают?

Старая русалка. Нет, нет! Умирают. И век у них – страх какой короткий, ста лет не живут. Тело в землю распадается,

но им это все равно, потому что у человека душа без смерти, ну и живет. Я думаю, человеку после его смерти даже лучше, легче. Тела у них плотные, кровяные, тяжелые.

Русалочка. А душа – легкая, как мы?

Старая русалка. Ну, пожалуй, легче. На нас все-таки смерть есть, а на нее нет.

Русалочка (*после молчания, внезапно, с мольбою*). Те-тушка! Милая! Расскажи ты мне все, что знаешь о нас, о людях, об их душе! Ты знаешь, ты старая, а я недавно родилась. Может, так и в туман растаю, и не узнаю, а хочется знать!

Старая русалка (*с удивлением*). Вот так ребенок! Чего ты? Я расскажу. Дай только припомнить. Давно очень слышала. (*Останавливается. Русалочка обернулась к ней и смотрит ей в лицо так же пристально, как раньше смотрела на луг.*) Я, деточка, много не знаю. Вот, слышала, что и прежде, давно, всегда были на свете и люди, и разные другие живые твари, и русалки, и разные. Люди – с тяжелым телом, с кровью, с коротким веком и со смертью, а мы, русалки, и другие водяные и лесные, луговые и пустынные твари – с легким и бессмертным телом.

Русалочка. Бессмертным телом? А у людей была бессмертная душа?

Старая русалка. Нет, погоди, не путай. У людей тогда не было бессмертной души. И вот так время проходило. Люди знали, что мы одни бессмертные, и почитали, и смирялись перед нами. Но жить им было, с их коротким веком да

со смертью, очень нехорошо, и они только показывали нам, что смиряются, а потихоньку роптали и другое думали. Тогда меж ними родился Человек, которого они называли Богом, и Он пролил за них свою кровь и дал им бессмертную душу.

Русалочка. Кровь?

Старая русалка. Да, свою кровь.

Русалочка. За них? За всех?

Старая русалка. Ну да, за всех людей. Но с тех пор мы узнали, что мы не бессмертны, и стали мы умирать. Век наш долог, смерть наша легка, а души, для бессмертия, у нас нет.

Русалочка. Значит, Он, этот Человек, или, как ты сказала, Бог, – принес нам смерть, а им жизнь? Почему же нам смерть от Его крови?

Старая русалка. Кровь за кровь. У нас нет крови.

Русалочка. Тетушка! Люди добрее нас, они лучше живут?

Старая русалка. Ну, не знаю! Слыхала, что они злые, что у них вражда, зависть, ненависть... ты не понимаешь, у нас этого ничего нет. Мы – добрые.

Русалочка. Так почему же Человек принес им жизнь, а нам смерть, если мы лучше?

Старая русалка. Я уж не знаю. Говорила мне моя тетка, что у людей, кроме злобы и ненависти, еще есть что-то другое, и в нем будто и причина, а как оно называется – слово я забыла. Вот «ненависть» помню, – а этого другого слова не помню. У нас его тоже нет. Да. Память у меня плоха стала.

(Молчание.)

Месяц что-то побелел. Пожалуй, утро скоро. На покой бы пора.

Русалочка *(точно просыпаясь)*. Тетенька, милая! Больше ничего не знаешь?

Старая русалка. Кажись, ничего.

Русалочка. А не знаешь ли ты... нельзя ли как-нибудь... из нас которой-нибудь... русалке, положим... так сделать, чтобы себе тоже человечью бессмертную душу иметь?

Старая русалка. Не знаю. Экая ты неугомонная! Рождена русалкой – и благо, и живи свой век. Чего еще?

Русалочка. Так никак нельзя? Невозможно?

Старая русалка. Говорю тебе – не знаю! Погоди, слышала и об этом что-то, да ничего, как есть, не помню.

Русалочка. А кто помнит? Кто знает?

Старая русалка. Если уж тебе такая охота – спроси Ведьму. В лесу живет, из людей была, да слышно, свою душу кому-то за долгий век продала, теперь уж ей лет пятьсот есть. Она все знает. Она сюда, к нашему озеру, каждую ночь пить приползает. Мы ее не видим, потому что она на самой заре тащится, когда уж небо розовое. Нам тогда страшно, потому что мы солнца ни краешка не можем видеть.

Русалочка. Тогда самый сильный туман?

Старая русалка. Да, тогда туман. Я, как была помоложе, смелая тоже была. До самой последней минуточки сижу. И Ведьму видела. Она не солнце, она нам ничего худого не мо-

жет сделать. Вот, коли не боишься, – оставайся, жди Ведьму. Она тебе все расскажет. А мне в водичку, в тинку, на покой пора. Старые косточки болят. Вон и наши все уж бултыхаются.

(Русалки скрываются одна за другой в воде. Месяц белеет, потом розовеет. Туман живет и плотнее.)

Старая русалка *(тяжело подымаясь)*. Пойду. Недалеко утро.

Русалочка. Я не боюсь, тетенька. Может, придет Ведьма. Уж я останусь.

Старая русалка *(равнодушно)*. Придет, придет. Что ж, оставайся.

(Уходит. Пробирается через камыши, которые гнутся и трещат. Слышен всплеск воды. Русалочка садится ближе к дереву, прижимается к стволу и ждет, неподвижная, охватив колени руками. Колокол умолк. Тишина. Небо все розовеет, туман подымается выше. Из лесу, без шума, идет, точно ползет, маленькая, закутанная, в крючок согнутая старуха. У нее большое желтое лицо, обращенное к земле. Подползая к озеру, она ложится на берег и долго пьет. Не слышно никакого звука. Наконец, старуха поднимается, медленно нюхает воздух и смотрит по сторонам. Русалочка встала и стоит, держась за сучок. Старуха обернулась в ее сторону и подняла руку к глазам, защищаясь от розового света зари.)

Русалочка *(робко)*. Здравствуй, тетенька.

Ведьма. Здравствуй. Только я тебе не тетенька. Я Ведьма.

Русалочка. Я знаю, тетенька Ведьма. Я вот здесь...

Ведьма. Вижу, что здесь. Вижу, из каких ты, рыбка. Что ж так запоздала? Солнышко скоро взойдет. А оно строгое к вам, солнышко. Не прогадать бы тебе.

Русалочка. Ты поздно, тетенька Ведьма, приходишь. А я тебя дожидалась.

Ведьма. Меня? А зачем тебе меня ждать? Понадобилась я тебе, что ли. До говори скорей, не мямли. И взаправду, пожалуй, солнце взойдет.

Русалочка (*торопясь*). Я сейчас, тетенька. Вот я нынче слышала разное про нас, про русалок, да про людей... Что будто мы умираем – и туман из нас, и больше ничего. А у людей будто бессмертная душа, потому что за них кровь пролита. Правда это?

Ведьма. Правда. Что еще?

Русалочка. И вот я хотел тебя спросить, – ты ведь знаешь, – можно ли так сделать, чтобы русалке, какой-нибудь, тоже иметь бессмертную душу? Скажи, тетенька, милая моя! Ты знаешь!

(Ведьма смотрит на нее и вдруг начинает беззвучно хохотать, тряся телом. Русалочка молчит, не отрывая взора, и пугается.)

Что ты смеешься? Что ты смеешься? Нельзя?

(Ведьма хохочет.)

Русалочка (*дрожа и возвышая голос*). Так никак нельзя?

Невозможно?

Ведьма. Можно, можно! Ух, и забавная же ты, рыбка! Давно я не смеялась. Давно такую рыбку, как ты, поджидала. Отчего нельзя? Погоди, дух переведу.

Русалочка (*с радостью и мольбой*). Тетенька! Миленькая! Значит, можно? Научи ты меня! А я тебе потом что хочешь...

Ведьма. Постой, постой. Сказано – можно, значит, можно. Я научу. И ничего мне с тебя за науку не надо.

Русалочка. Ты добрая, тетенька Ведьма.

Ведьма. Нет, что тут добрая! Я для своей забавы помогаю. Всем помогаю. И вот таким рыбкам, как ты, и людям, когда случится. Чего хочется кому – то я сейчас и даю – на! И ничего за это не прошу: забавушка моя есть, мне и довольно. И тебя научу, как русалке можно душу бессмертную получить, коли уж захотелось. Сядем-ка, девушка, у меня ноги немолоденькие. Солнце подождет.

(*Садятся на берегу у камышей.*)

(*Ведьма кряхтя и укутываясь.*) Холодно на заре. Туман высокий. Ясное будет солнышко. (*Молчание.*) Что ж, рыбка, очень хочется бессмертной души?

Русалочка (*подымая глаза*). Да.

Ведьма. Обидно тебе, что ли, что... Он за людей свою кровь пролил, а за вас, тварей, нет?

Русалочка (*думая*). Не знаю... Должно быть обидно.

Ведьма. Так вот, слушай, девушка: я научу. Надо тебе к

людям идти.

Русалочка (*испуганно*). К людям? Я не знаю, где люди.

Ведьма. Слушай, говорят тебе. Я знаю. Люди здесь недалеко. Пойдешь просекой, тут и будет тебе келья, деревянный такой домик, человеческое жильё. А вблизи, на горушке, часовня, по высокой колокольне узнаешь. Ты завтра ночью и пойди туда. Пойди не в это время, а раньше, когда потемнее. Только слушай, чтобы колокол не звонил. Если колокол звонит, значит, они утреню справляют, не спят.

Русалочка. Тетенька, я боюсь. Много их? И как с ними говорить?

Ведьма. А боишься – твое дело, не ходи. Я только говорю, как надо. Людей там двое: старый да молодой. Тебе с ними сначала говорить не приходится. Ты только войди в келийку, да смотри, чтоб не видели тебя, чтоб спали, и приникни к которому-нибудь поближе, да грейся, да чтоб дышал он на тебя, трогай его. Он проснется, подумает – чудится ему, начнет над тобой слова говорить, гнать тебя, бить, может, станет, – а ты ничего, терпи, не уходи. Подышит он на тебя, потрогает – и станет у тебя тело, как у людей, с кровью. И солнце тогда можешь видеть.

Русалочка (*громко*). И бессмертная душа будет?

Ведьма. Ну-ну, ишь ты какая скорая! Не будет бессмертной души. И кровь будет не теплая, как у людей, а холодная.

Русалочка (*уньло*). Так зачем же это мне?

Ведьма. А затем, что для человеческой души нужно чело-

вечье тело. Без тела, похожего на человечье, люди тебя к себе не пустят, и Человек, который пролил теплую кровь, не даст тебе души.

Русалочка. Ну хорошо, а потом, тетенька, когда будет у меня тело, – что же надо?

Ведьма. А надо, чтобы тебя люди крестили.

Русалочка. Что это, тетенька, – крестили?

Ведьма. Знак такой. Люди тебя им к себе примут, станет у тебя кровь теплая, и Человек даст тебе бессмертную душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.